

УДК 811.161.1'42

М.П. Мирошниченко

**ПОЭЗИЯ СВЕТА, ТЕНИ И ТЕМНОТЫ: ЛИРИЧЕСКОЕ «Я» И «ДРУГОЙ»
В КАТЕГОРИЯХ ТЕМНОТЫ И СВЕТА**

М.П. МИРОШНИЧЕНКО. ПОЕЗІЯ СВІТЛА, ТІНІ І ТЕМРЯВИ: ЛІРИЧНЕ «Я» І «ІНШИЙ» В КАТЕГОРІЯХ ТЕМРЯВИ І СВІТЛА.

У статті були представлені і проаналізовані зразки поезії, що яскраво реалізують принципи світла, тіні і темряви.

Принцип світла есплікується в образи таких явищ, як денний час доби, буттєвості, персоналізація «Я», іншого персонажа і конкретність / реалістичність персонажа і художнього світу, а принцип темряви – в образи ночі або перехідного часу дня, темряви, сну, дрімоти або сп'яніння, водної стихії або туману, таємності, завмирання процесів життєдіяльності, зупинки руху або періодичного / кругового руху, почуття любові або смерті, слабкою персоналізації ліричного «Я», часто за допомогою «Іншого». Як зразок поезії світла була представлена поезія О.С. Пушкіна, поезії тіні – І.С. Тургенєва, а поезії темряви – окремі тексти постмодерністської літератури (В. Полозкової, Б. Гребеничкова, Г. Самойлова (група «Агата Крісті») та ін.).

Ключові слова: світло, тінь, темрява, О.С. Пушкін, І.С. Тургенєв, постмодернізм.

М.П. МИРОШНИЧЕНКО. ПОЭЗИЯ СВЕТА, ТЕНИ И ТЕМНОТЫ: ЛИРИЧЕСКОЕ «Я» И «ДРУГОЙ» В КАТЕГОРИЯХ ТЕМНОТЫ И СВЕТА.

В статье были представлены и проанализированы образцы поэзии, ярко реализующие принципы света, тени и темноты. Принцип света эксплицируется в образы таких явлений, как дневное время суток, бытийность, персонализация «Я», другого персонажа и конкретность/реалистичность персонажа и художественного мира, а принцип темноты – в образы ночи или переходного времени дня, темноты, сна, дремоты или опьянения, водной стихии или тумана, тайности, замирания процессов жизнедеятельности, остановки движения или периодического/кругового движения, чувства любви или смерти, слабой персонализации лирического «Я», часто посредством «Другого». В качестве образца поэзии света была представлена поэзия А.С. Пушкина, поэзии тени – И.С. Тургенев, а поэзии темноты – отдельные тексты постмодернистской литературы (В. Полозковой, Б. Гребеничкова, Г. Самойлова (группа «Агата Кристи») и др.).

Ключевые слова: свет, тень, темнота, А.С.Пушкин, И.С.Тургенев, постмодернизм.

M.P. MYROSHNYCHENKO. THE POETRY OF LIGHT, SHADOWS AND DARKNESS: LYRICAL “I” AND “OTHER” IN THE CATEGORIES OF DARKNESS AND LIGHT.

The article presented and analyzed samples of poetry, vividly implementing the principles of light, shadow and darkness. The figurative-conceptual system of the text (lyrical “I” and “Other”) is considered through the principles of light and darkness. The principles of light and darkness, being a pre-basis for the formation in the poem of the lyrical “I” and “The Other”, determine the properties of the one and the other at the same time: both “I” and “The Other” are based on the same correlation of these principle. The principle of light is explicated in the images of such phenomena as daytime, beingness, personalization of “I”, another character and the concreteness / realism of the character and the artistic world, and the principle of darkness – in the images of night or transitional time of day, darkness, sleep or intoxication, water elements or fog, secrecy, fading processes of life, stopping the movement or periodic / circular movement, the feeling of love or death, weak personalization of the lyrical “I”, often through the “Other”. In the poetry of the shadow, the high personalization of “I” and the visibility, concreteness of the surrounding space remain, however, the value of “I” or “Other” proportionally increases in the ratio of “I-Other”, but attributes of the principle of darkness appear – more chamber, shadow space or evening-night time of day, slowness or acceleration of time,

silence, water element, fog, sleep, sad thoughts, the theme of love or death. As a model of the poetry of light, the poetry of A.S. Pushkin, poetry of the shadow – I.S. Turgenev, and the poetry of darkness – are separate texts of postmodern literature (V. Polozkova, B. Grebenshchikov, G. Samoilo (Agatha Christie group), etc.).

Key words: light, shadow, darkness, A.S. Pushkin, I.S. Turgenev, postmodernism.

Понятие лирического «Я», введённое в литературоведение Маргарете Зусман в начале 20 века, представляет собой не только персональное образование (потому оно шире, чем понятие лирический герой), но «способно преступать границы субъективности», является способом видения мира, которым пользуется автор [4]. Парадигматика стихотворения, т.е. система образов и понятий, возникающих в ходе восприятия текста, включает в себя лирическое «Я» и «Другого» (другие объекты и персонажи художественного мира). Лирическое «Я» и «Другой» предстают читателю с различной степенью персонализации, с разной степенью подробности и конкретности. Степень представленности субъекта и объекта концептуально связана с физическими понятиями света и бытия: на свету предмет становится различим, обладает границами и, следовательно, существует. В темноте же, напротив, границы между предметами пропадают, всё сливается, единичность перестаёт существовать. Ранее (в [8]) высказывалась гипотеза о том, что принципы света и темноты, являясь предосновой для формирования в стихотворении лирического «Я» и «Другого», определяют свойства одного и другого одновременно: и «Я» и «Другой» имеют в своей основе одно и то же соотношение этих принципов. В данной статье образно-понятийная система текста (лирическое «Я» и «Другой») также рассматривается через принципы света и темноты. Цель статьи – представить и проанализировать образцы поэзии, ярко реализующие принципы света, темноты и переходного состояния тени.

Принцип темноты эксплицируется в такое выражение лирического «Я» и «Другого», при котором степень и конкретность «Я», другого персонажа и мира ослаблены, художественный мир будто погружается в темноту, неразличимость же приобретает черты нереальности или сказочности: «Я» определяется с трудом или выражается через сущность «Другого»; объекты описываются слабо или контурно, сказочно, «ярко», экспрессивно; имеются такие состояния природы и объектов, как ночь, сон, опьянение, тайность, скрытость, туман, водная стихия, тишина, глухота, слепота, остановка движения или качание, круговое движение. Темы любви и смерти также реализуют принцип темноты (любовь как стремление к слиянию, «разумная любовь» с сохранением персональных границ сохраняет элементы принципа и света, и темноты).

Принцип света, соответственно, реализуется в образах таких явлений, как дневное время суток, конкретность и реалистичность персонажа и художественного мира, бытийность, наделение «Я» и «Другого» самостоятельным бытием (а не средством для выражения «Я»), лирическое «Я» или персонаж словно становятся «осязаемы» как персоны, предметы «осязаемы» как предметы.

Наиболее ярким (и редким, на наш взгляд, в русской поэзии) образцом поэзии света является поэзия А.С. Пушкина. Д.Д. Благой отмечает, что отличительной чертой пушкинской лирики является широкий охват явлений общественной жизни и всего богатства внутренней жизни самого поэта и что в этой широте и в то же время внутренней целостности заключалось её значение [2]. «Позиция лирического “Я” Пушкина не маргинальна, а находится в центре возведенного им пространства» [9]. Помимо широкого охвата объектов, конкретности их представления, в проанализированных около 40 стихотворениях была отмечена, во-первых, высокая степень персонализации «Я» и, во-вторых, высокая степень адресности стихотворений. Кроме того, была отмечена высокая глагольность текстов, динамичность художественного мира, а также датированность (согласованность с объективным временем) и такое изображение течения времени, которое соответствует дневному времени суток, в котором эта динамичность реализуется. Ю.Н. Чумаков, сравнивая лирику Пушкина и Тютчева, отмечает, что Пушкин в

своём лирическом мире ориентирован на традиционное понимание времени, не замедленное [9].

Изображение объектов, мыслей, жизнь в лирическом пространстве у Пушкина происходит в основном в свете дня (а не в ночное/вечернее время или в тени деревьев/под закрытым тучами небом или в закрытом пространстве, не соотносимом со временем дня, как это происходит в поэзии тени или темноты). Следует отметить, что в пушкинской лирике оценка света и темноты достаточно чёткая: ночь – это время не для жизни, это время сна (ночь, тишина, бессонница – скучны, печальны и утомительны («Зимняя дорога»)), или это «дурное» время, время бесов («Бесы»). Вообще дневное светило у Пушкина является неотъемлемой частью художественного мира: действия лирического сюжета или подчёркнуто часто происходят в дневное или утреннее время (*мороз и солнце, день чудесный* («Зимнее утро»)), или представлен переход от ночного к дневному времени (*как эта лампада бледнеет пред ясным восходом зари* («Вакхическая песня»)), или при свете дня, т.е. во время активной жизни, желается мрак ночи, т.е. успокоенье (*весна, весна... отдайте мне мрак ночей* («Весна, весна, пора любви...»)). Образ света/огня нередко используется поэтом в переносном значении при описании различных явлений (блеск фортуны, горенье духа песен, луч лицейских ясных дней, солнце разума и т.д.). С.Г. Бочаров, характеризуя поэтику Пушкина, немало внимания уделил соотношению у него понятий «ясности» и «темноты», указывая на широту их использования в переносном значении (*Прошла любовь, явилась муза, и прояснился тёмный ум* («Евгений Онегин» А.С. Пушкин)) [1].

Водная стихия, море, часто изображаемое Пушкиным, тоже тяготеет скорее к принципу света (образ стихии, мощи, свободы и динамики [6]), чем к принципу темноты (как озеро, туман – часто это образ тиши, замедления, тайны, укрытости).

В поэзии тени сохраняется высокая персонализация «Я» и видимость окружающего пространства и других людей, однако увеличивается негативная эмоциональная составляющая, происходит как бы окрашивание Другого в печальные тона своих мыслей. Можно сказать, что в соотношении «Я-Другой» пропорционально увеличивается значение или «Я», или «Другого». Жизнь в поэзии тени зачастую подчёркнуто происходит в теневом пространстве – например, ночью при свете звёзд, вечером, днём в тени деревьев или под закрытыми тучами небом, – или без указания времени дня, что напоминает камерность, помещение. Замедленное или ускоренное время, водная стихия, сон, туман – частые атрибуты поэзии тени. Такая поэзия в целом, и особенно в русской литературе, на наш взгляд, превалирует. Для образца поэзии тени приведём в качестве примера поэзию И.С. Тургенева.

У Тургенева объект изображения – герой, у которого любовь занимает исключительное место в жизни, он не прибегает к детальному психологическому анализу, он тщательно всматривается в природу и желает единения с ней, но с горечью осознаёт, что это единение невозможно [7]. К вопросу о месте лирического «Я» в художественном мире Тургенева и о самом этом мире О.В. Дедухина отмечает, что Тургенев развивает мысль о ничтожестве человека перед лицом могущественной Природы и сопоставляет человеческую жизнь со сном [5]. Особая приверженность Тургенева философии «жизнь – это сон» может быть также связана с особенностями национального мировосприятия. Определяя своеобразие русского менталитета, Г.Д. Гачев отмечает, что для русского человека дневная деятельность иллюзорна, это сон, а ночь и сон – мир не бесплодного существования, а активного духовного труда» [3] (мотив вечера у Тургенева подробно рассматривается в работах К.А. Ефименко [7]). В проанализированных около 40 стихотворениях герой Тургенева действительно ночью не спит, он обзирает окружающую действительность, думает, двигается медленно (часто используются лексемы *бродить* и *скитаться*), его частые спутники – озеро, тихость, туман, тревожные мысли, вечер, ночь, звёзды или переход от дня к ночи:

*Брожу над озером... туманны
Вершины круглые холмов,
Темнеет лес, и звучно-странны
Ночные клики рыбаков.*

*Полна прозрачной, ровной тенью
Небес немая глубина...
И дышит холодом и ленью
Полузаснувшая волна.*

*Настала ночь; за ярким, знойным,
О сердце! за тревожным днем, –
Когда же ты заснешь спокойным,
Пожалуй, хоть последним сном.*

Поэзия тени – это поэзия светотемноты, где в темноте ещё сохраняется видимость, видимость себя и видимость других объектов. Её отличительной особенностью является наличие тревожных мыслей, озабоченность, стремление к любви, неактивное состояние природы, приверженность вечернему/ночному времени и времяпровождению, сновидениям и опьянению. Показательно, что в лирике Тургенева лексема *тень* является очень частотной.

Отличительной же чертой поэзии темноты является состояние опьянения и/или потерянности, потери своего «Я». Это, собственно, тема постмодернистской литературы: ирония, избегание (часто в шуточной форме) какого-либо смысла, и всё-таки тема «Я»: *расскажи мне о том, как красивые и не мы приезжают на юг, ... слишком чудесные и простые, чтоб оказаться нами* («Снова не мы» В. Полозкова), *я тот, кого ты сделаешь мною...* (текст песни группы «Токио»), *я обожаю чёрный цвет... давай вечером с тобой встретимся, будем опиум курить... опиум для никого, давай вечером умрём весело, ... и симпатичен ад* («Опиум для никого» Г. Самойлов), *меня спасло только то, что я в тот момент был слегка пьян* («Альтернатива» Б. Гребенщиков). В тексте «Альтернатива» Б. Гребенщикова звучит тема сознательного отказа от «Я» как от ложного: *в моей альтернативе есть логический блок, спасающий меня от ненужных ходов, некий переносной five o'clock, моя уверенность в том, что я не готов*. И далее раскрывается тема этого состояния, этого положения вне «Я» (что полностью соответствует принципу темноты):

- был слегка пьян;
- стою, но непонятно на чём;
- нелепо делать вид, что я стою у руля;
- five o'clock;
- я не готов;
- пусть всё течёт, как течёт;
- мой словарный запас иссяк;
- вы все идёте на работу, а я просто стою;
- я не вписан в план.

«Словарный запас иссяк» и «не вписан в план» есть и в песне «Опиум для никого» Г. Самойлова:

- *давай вечером с тобой встретимся, по-китайски говорить;*
- *накрась ресницы губной помадой, а губы лаком для волос.*

Таким образом, поэзия темноты оперирует этими основными принципами категории темноты: потеря «Я», потеря ориентации в пространстве, остановка движения, темнота/чернота, потеря смысла.

Данные принципы свойственны не всей поэзии отдельного автора, а характеризуют какую-то её часть. Например, если всю поэзию отдельных авторов можно отнести к поэзии тени, то есть поэзии тени, в которой более проявлен принцип света, и поэзия, в которой более проявлен принцип темноты. Говоря о поэзии темноты, нам было удобнее привязать этот принцип не к отдельному имени, а ко времени и литературному направлению. Что касается поэзии света, здесь, видимо, удобнее устанавливать иерархию, где Пушкин пока занимает первое место, за которым, возможно, последует Ф.И. Тютчев. Однако данное утверждение является предположением и требует более подробного изучения и подтверждения.

Таким образом, в статье были представлены и проанализированы образцы поэзии, ярко реализующие принципы света, тени и темноты. В качестве образца поэзии света была представлена поэзия А.С. Пушкина, поэзии тени – И.С. Тургенева, а поэзии темноты – отдельные тексты постмодернистской литературы (В. Полозковой, Б. Гребенщикова, Г. Самойлова (группа «Агата Кристи») и др.). В дальнейшем необходимо исследование этого явления на более широком материале для уточнения выводов и возможности проведения сопоставления идиостилей поэтов в синхронии и диахронии.

1. Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. 207 с.
2. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967. 724 с.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988. 396 с.
4. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Советский писатель, 1964. 165 с.
5. Дедюхина О.В. Философема «жизнь-сон» в поэтике И.С. Тургенева // Наука и образование, 2012, № 3. С. 87–92.
6. Дмитриева У.М. «К морю» Пушкина: сюжет плавания и поэтическое голосоведение/ Актуальные проблемы славянской филологии. 2011. В. 24. Ч. 2. С. 69–77.
7. Ефименко К.А. В.А. Жуковский и И.С. Тургенев: два «Вечера» // Коммуникативные аспекты языка и культуры: XIV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых : сб. материалов. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2014. Ч. 1. С. 90–95.
8. Мирошниченко М.П. Принципы слияния (темноты) и различимости (света) как основа для формирования лирического «Я» и «Другого» / Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета Г.С. Сковороды. 2018. № 1 (63). С. 50–54.
9. Чумаков Ю.Н. Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. М.: Языки славянской культуры, 2008. 414 с. (Серия: Studia philologica).

(Статья поступила в редакцию 9 октября 2018 г.)